

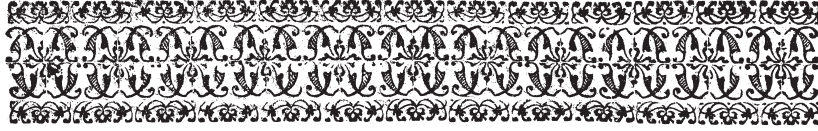
ПЕРВАЯ
КНИГА

ПОВЕСТЬ
ОБ УЖАСАЮЩЕЙ ЖИЗНИ
ВЕЛИКОГО
ГАРГАНТЮА,
ОТЦА ПАНТАГРЮЭЛЯ

НЕКОГДА СОЧИНЕННАЯ МАГИСТРОМ
АЛКОФРИБАСОМ НАЗЬЕ,
ИЗВЛЕКАТЕЛЕМ КВИНТЭССЕНЦИИ

Книга, полная пантагрюэлизма

1534

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Блистательнейшие пьяницы и вы, изысканнейшие венерики (ибо вам, а не кому другому, посвящаются мои писания): Алкивиад в диалоге Платона под названием «Пир», восхваляя своего наставника Сократа, бесспорного князя среди философов, сравнил его между прочим с силенами. Силенами назывались когда-то ларчики вроде тех, которые нынче встречаются в лавках аптекарей. Сверху на них нарисованы всякие веселые и потешные изображения: гарпии, сатиры, гуси с уздечкой, зайцы с рогами, утки под выюком, козлы с крыльями, олени в упряжке — и разные другие картинки, придуманные для того, чтобы возбуждать смех у людей (этого рода свойством отличался Силен, учитель доброго Бахуса); зато внутри этих ларчиков сберегали тонкие снадобья: мяту, амбру, амом, мускус, цибет, порошки из драгоценных камней и другие вещи. Именно таким, по словам Алкивиада, и был Сократ, потому что, взглянув на него снаружи и оценив по внешности, вы за него не дали бы и луковицы — так некрасив он был телом и забавен на вид: нос острый, взгляд бычий, лицо глупое, обхождение простецкое, одежда грубая, достатка у него не было, в женщинах был он неудачлив, не способен ни к какой службе; все-то он смеялся и пошучивал, скрывая свое божественное знание. Но откройте этот ларец — и вы найдете внутри небесное, неоценимое

снадобье: разумение сверхчеловеческое, добродетели изумительные, мужество непобедимое, трезвость несравненную, довольство стойкое, твердость совершенную и невероятное презрение ко всему, из-за чего люди столько стараются, суетятся, работают, плавают и воют.

К чему, по вашему мнению, клонится мое предисловие и предварение? А к тому, что вы, мои добрые ученики и прочие бездельники, читая веселые заголовки некоторых книг моего сочинения, вроде «Гаргантюа», «Пантагрюэль», «Феспент», «О достоинствах гульфиков», «Горшечек в сале с комментариями»¹ и т. п., слишком легко заключаете, будто в этих книгах говорится только о нелепостях, глупостях и веселых небылицах, то есть вы, судя по одному лишь внешнему признаку (иначе говоря, по заголовку), не подумав как следует, обычно начинаете смеяться и потешаться. Но можно ли с таким легкомыслием судить о делах человеческих? Ведь сами же вы говорите, что не платье делает человека монахом, что есть, мол, люди, которые, несмотря на монашеское одеяние, отнюдь не монахи и что

¹ Из названных здесь пяти сочинений вполне реальными являются два: «Великая хроника Гаргантюа» (1532) — народная сказка, явившаяся, как известно, одним из главных источников Рабле, и «Пантагрюэль» — первая по времени часть романа Рабле, вышедшая в свет за полтора года до «Гаргантюа». Остальные названия являются юмористическими измышлениями автора. «Феспент» — букв.: «Хлещи кувшинами!»; «Гульффик» — особая часть мужского костюма, получившая распространение в XVI в., когда современные штаны еще не существовали и заменялись обтяжным трико.

иному молодцу в испанском плаще по своей храбрости далеко до испанца. Вот почему вам следует раскрыть эту книгу и старательно продумать, что в ней написано. Тогда вы увидите, что снадобье, в ней заключенное, совсем другого качества, чем обещал ларец, а предметы, в ней излагаемые, совсем не столь глупы, как можно было подумать по заглавию.

Если вы даже найдете, что буквальный смысл книги весьма забавен и вполне соответствует ее названию, то и тогда не увлекайтесь этим, словно пением сирен, а постарайтесь истолковать в высшем смысле то, что кажется вам сказанным в простоте сердца.

Случалось вам когда-нибудь откупоривать бутылку? Черт подери! Вспомните, сколько удовольствия вы получили при этом.

Видели вы когда-нибудь пса, нашедшего мозговую кость? Это, как говорил Платон (см. кн. 2 «О государстве»), самое философское в мире животное. А если видели, то могли заметить, с каким благоговением он ее сторожит, с какой заботой охраняет, с каким жаром ее держит, как осторожно раскусывает, с какой любовью разгрызает, как тщательно высасывает. Что заставляет его делать это? На что он надеется от своих стараний? Какого блага он ищет? Ничего, кроме капельки мозга. Правда, эта капелька слаще, чем многое другое, ибо мозг, по словам Галена, есть наисовершеннейшая пища, изготовленная природой.

По примеру этого пса вам следует стать мудрецами и уметь вынюхать, прочувствовать и оценить эти прекрасные лакомые книги, следует стать мудрецами в преследовании и смелыми в нападении, а потом, после тщательного чтения и зрелого размышления, разломать кость, высосать оттуда мозговую субстанцию — то есть то, что я разумею под этим пифагорейским символом, — в твердой надежде сделаться благодаря чтению благоразумнее

и сильнее, ибо в нем вы найдете удовольствие особого рода и учение самое сокровенное, которое введет вас в высочайшие таинства и ужасающие мистерии, относящиеся как к нашей религии, так и к области политики и экономики.

Неужели вы думаете, что Гомер, написавший некогда «Илиаду» и «Одиссею», думал о тех аллегориях, которые выискали в них Плутарх, Гераклит, Понтик, Евстатий, Форнунт и которые Полипиан украл у этих последних?

Если вы это думаете, то вы ни на волос не приблизитесь к моему мнению, согласно которому Гомер так же мало помышлял об этих аллегориях, как и Овидий в своих «Метаморфозах» не принимал в соображение христианские таинства, а между тем брат Лубен¹, истинный лизоблюд, силился было доказать обратное, но он нигде не встретил олухов вроде себя, или, как говорится в поговорке, «не нашел крышки по котелку».

Если же вы этого не думаете, то где же основание, мешающее вам применить вашу точку зрения к моим новым веселым повествованиям, хотя при работе над ними я думал о них не больше, чем вы, а вы, наверное... умеете выпить не хуже, чем я?

Дело в том, что на сочинение этой знатной книги я потерял и употребил только то время, какое мне полагается для моей трапезы, то есть для еды и питья. Это самое подходящее время для писания о таких высоких материях и глубоких вопросах, что отлично понимали уже Гомер, образец всех филологов, и Энний, отец латинских поэтов, как об этом свидетельствует Гораций, хотя какой-то невежда выразился, что от его стихов скорее попахивает вином, чем елеем.

Один оборванец сказал то же самое и про мои книги; ну и черт с ним! Запах вина куда вкуснее, веселее, ценнее, нежнее и небеснее запаха елея! И я так же возгоржусь, когда про меня скажут, что на вино я трачу больше, чем на масло, как Демосфен, который гордился, когда про него говорили, что он на мас-

¹ *Брат Лубен* — обиходная кличка глупого или придурковатого монаха. В данном случае она применена к англичанину Томасу Уоллизу, монаху-доминиканцу (XIV в.), сочинившему аллегорическое толкование «Метаморфоз» Овидия.

ло тратит больше, чем на вино. Честь мне и слава, если про меня говорят, что я хороший товарищ и собутыльник; при такой славе я всегда желанный гость в каждой доброй компании пантагрюэлистов.

Демосфена один придира попрекнул тем, что от его речей пахнет как от фартука грязного торговца маслом. Однако прошу вас толковать мои поступки и речи в самую лучшую сторону и возьмите уважение к моему пищеносному мозгу, питающему вас этими милыми пустячками, и по мере сил ваших поддерживать во мне веселое настроение.

Итак, забавляйтесь, друзья, и веселите себя этим чтением телу на удовольствие, почкам на пользу! Только слушайте, бездельники, — не забудьте за меня выпить, а уж за мной дело не станет!

ГЛАВА I

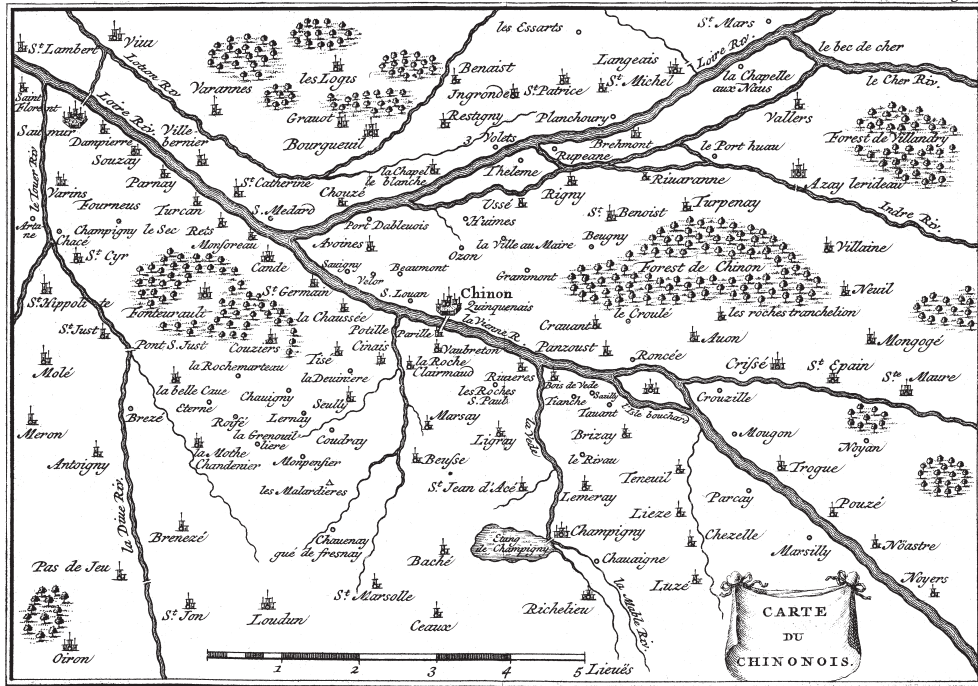
О происхождении и древности рода Гаргантюа¹

Отсылаю вас к великой Пантагрюэльской хронике для ознакомления с происхождением и древностью рода, от коего произошел наш Гаргантюа. Из нее вы более пространно узнаете, как первые великаны зародились на этом свете и каким образом по прямой линии от них произошел отец Пантагрюэля, Гаргантюа; вы не сердитесь, если я теперь отклонюсь от этой истории, хотя она такова, что чем чаще ее вспоминать, тем она больше будет нравиться вашим милостям. Это подтверждено авторитетом Платона в «Филебе» и «Горгии», а также Флакка, который говорит, что есть такие речи (таковы, без сомнения, и мои), которые тем усладительнее, чем чаще их повторяют.

Дай Бог, чтобы каждый знал с такой достоверностью свою родословную от Ноева ковчега и до наших дней! Думаю, что сей-

¹ Глава дана в пересказе.

de Montpellier

de M. Lasne

du President Perot

час много на земле императоров, королей, герцогов, князей и пап, произошедших от каких-нибудь продавцов индульгенций и носильщиков корзин, и, наоборот, немало больных и жалких нищих в странноприимных домах ведут свое происхождение по прямой линии от великих королей и императоров, если принять во внимание изумительный закон смены великих империй:

от ассириян к мидянам,
от мидян к персам,
от персов к македонянам,

от македонян к римлянам,
от римлян к грекам,
от греков к французам.

А чтобы дать вам представление о том, кто я такой, скажу, что я, видимо, происхожу от какого-нибудь богатого короля или владыки давнопрошедших времен, потому что вряд ли вы когда-нибудь видели человека, который сильнее меня желал бы стать богатейшим королем, чтобы задавать пиры, не работать, ни о чем не заботиться и делать богатыми своих друзей и всех достойных и ученых людей.

Но я утешаю себя соображением, что на том свете я стану королем, и даже таким, каким мне сейчас трудно было бы себя представить. Утешайте же и вы себя в несчастье такими же или еще лучшими мыслями и пейте на здоровье, если пьется.

«Возвращаясь к нашим баранам»¹, скажу вам, что высокая милость неба сберегла для нас родословную Гаргантюа с древнейших времен в более полном виде, чем всякая другая, за исключением одной лишь родословной мессии, о которой я не говорю, потому что это меня не касается, к тому же и черти (я хочу сказать: клеветники и лицемеры) противятся этому. Эта родословная была найдена Жаном Одо на лугу, которым он владел, близ Голо, пониже Олив, по направлению к Нарсе. Роя по его приказу канавы, землекопы наткнулись мотыгами на обширный бронзовый склеп бесконечной длины, ибо конца его не нашли: он заходил далеко за шлюзы реки Вьенны. Вскрыв его в одном месте, отмеченном сверху кубком, вокруг которого шла надпись этрусскими буквами «Здесь питье бывает» («Ние bibitur»), нашли девять фляг в таком порядке, в каком ставят гасконские кегли. Средняя из них прикрывала не то толстую, не то жирную, не то большую, не то серую, не то красивую, не то маленькую заплесневелую книжку, пахнущую сильнее, но не лучше, чем розы.

¹ Выражение, взятое из широкопопулярного фарса XV в. «Адвокат Патлен». Этой фразой («Но вернемся же к нашим баранам!») судья, разбирающий жалобу, поданную хозяином стада на своего батрака, все время пытается ввести дело в нормальную колею судебного разбирательства. Уже в эпоху Рабле эти слова превратились в поговорку со значением «возвращаясь к прерванной нити рассказа».

В книжке была найдена вышеупомянутая родословная, сплошь написанная канцелярскими литерками, но не на бумаге, не на пергаменте и не на вошеной дощечке, а на вязовой коре, настолько попорченной от старости, что едва можно было различить следы букв.

Я, хотя и недостойный, был вызван туда и с помощью очков, приложив искусство чтения невидимых букв, как учит Аристотель, разобрал их все, как вы сами сможете увидеть, пантагрюэльствуя, то есть в меру выпивая, и читая про ужасающие подвиги Пантагрюэля.

В конце книги находился небольшой трактат, озаглавленный «Противоядие от безделья». Крысы, тараканы или (чтобы не соврать) другие зловредные животные отгрызли начало истории. Остальное я прилагаю здесь из уважения к древности документа.

ГЛАВА II

<Предохранительные безделушки, найденные в одном древнем памятнике¹

Глава эта заключает в себе длиннейшее и загадочное стихотворение, смысл которого невозможно передать переводом, а потому отсылаем любопытных к подлиннику².

¹ Глава дана в пересказе.

² Здесь и далее: текст, заключенный в «...», публикуется в пер. А. Н. Энгельгардт.

ГЛАВА III

*Как Гаргантюа одиннадцать месяцев
пребывал во чреве матери*

В свое время Грангузье¹ был большой весельчак, любивший выпить до дна, как и всякий человек во дни оны, и закусить чем-нибудь соленьким. Для этого у него обыкновенно хранился большой запас окороков, и майнцских и байоннских, порядочно копченых бычьих языков, множество колбас (по сезону), солонины с горчицей, подкреплений в виде икры, сосисок, но не булонских (потому что он боялся ломбардских пилюль), а из Бигорры, Лонконе, Бренны и Руарги. Уже в зрелом возрасте он женился на Гаргамели, дочери короля парпальонов, красивой и здоровой девице, и часто вдвоем они изображали животное о двух спинах и весело терлись друг о друга, так что жена зачала превосходного сына и носила его до одиннадцатого месяца.

Ведь женщины могут носить во чреве такой срок и даже больше, особенно если дело идет о какой-нибудь выдающейся личности, коей предстоит в свое время совершить героические подвиги: Гомер говорит, что младенец, которым наградил нимфу Нептун, родился по истечении года, то есть на двенадцатом месяце. Ибо, как говорит в книге III Авл Геллий, величию Нептуна вполне соответствовал этот столь продолжительный срок, дабы его младенец сформировался в совершенстве. По такой же причине Юпитер продлил до сорока восьми часов ночь, проведенную им с Алкменой, ибо в меньшее время он не смог бы выковать Геркулеса, очистившего мир от чудовищ и тиранов.

Господа древние пантагрюэлисты подтверждают сказанное мной и объявляют не только возможным, но и законным ребенка, которого родит женщина на одиннадцатом месяце после смерти своего мужа. См.:

¹ Грангузье — букв.: значит «большая глотка».